
Подкидыш
Рассказы
О милосердии,
усыновлении
и детях, которым
подарили семью
Яна Алимова

Яна Алимова

Подкидыш

«Автор»
2026

Алимова Я.

Подкидыш / Я. Алимова — «Автор», 2026

Малыши рождаются в семьях, где их ждут и любят, другие оказываются никому не нужными, становятся жертвами чужого равнодушия или жестоких обстоятельств. Судьба сама решает, кому подарить ребенка, а у кого отнять.В сборнике — истории о детях, которых бросили, потеряли, от которых отказались, и о взрослых, чьи жизни навсегда изменились после встречи с ними.Молодой врач, обнаруживший подкинутую девочку, становится ей настоящим отцом, но спустя годы прошлое возвращается, чтобы отнять у него самое дорогое. Женщина, потерявшая новорожденную, получает шанс стать матерью, но цена счастья оказывается страшной. Кто-то возвращается за оставленным ребенком лишь тогда, когда тот становится необходим, а кто-то, отчаявшись обрести счастье, неожиданно находит его у дверей храма в рождественскую ночь.Это истории о любви, предательстве, прощении, материнстве и надежде. О том, что настоящая семья не всегда связана кровными узами, а чужой ребенок однажды может стать самым родным человеком на свете.

© Алимова Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Моя не моя дочь 6
Сын, который внук 11
Вы снова увидите мир 13
Лишняя чашка чая 19
Приживалка 20
Господи, хоть что-нибудь 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Яна Алимова
Подкидыш

Оглавление
Моя не моя дочь 2
Сын, который внук 7
Вы снова увидите мир 9
Лишняя чашка чая 17
Приживалка 18
Господи, хоть что-нибудь 24
Кукушка. Часть 1 29
Часть 2 31
Часть 3 33
Секрет. Часть 1 36
Часть 2 41
Как же мне без тебя 46
Сирота. Часть 1 50
Часть 2 53
Подкидыш. Часть 1 62
Часть 2 65
Часть 3 69
Часть 4 73
Часть 5 75
Часть 6 79
Часть 7 83
Часть 8 86
Часть 9 89
Послесловие… 93

Моя не моя дочь

Наталья сидела в старом любимом кресле у окна, обтянутом некогда вишневым велюром, но сейчас потертым и чуть выгоревшем на солнце, и, прислушиваясь к равномерному стуку часов, ловила себя на мысли, что эти мгновения словно мед из сот: сладкие, тягучие, почти неподвижные.

В комнате пахло мятой, пижмой, немного газетной бумагой, на которой она разложила травы — в выходные ходили в горы с мужем Алексеем.

И в этот ленивый, мутный от жары день ворвалась Алена — ее девочка, ее свет и утешение, ее подарок от Бога. Влетела, как ветерок после дождя: с распущенными волосами, сияющими глазами и таким восторженным криком, что сердце у Натальи кольнуло от нежности.

— Мамочка, ну вот я и все! Последний…

Мать ахнула радостно и вопросительно:

— Сдала?!

— Сдала! — эхом отозвалась Алена, смеясь и запыхавшись, кинулась к Наталье, обняла, прижалась щекой к плечу. — Представляешь, сдала!

— А я и не сомневалась, — прошептала Наташа. — Ты зря переживала, ты у нас умница. Звони отцу.

— Уже! — радостно отозвалась Алена.

— Значит, ему первому? — Наталья сделала вид, что обиделась.

Аленка сразу раскусила мать и рассмеялась:

— Ему, ему! Кто у нас глава нашей маленькой семьи?

Наталья успела лишь кивнуть, прижать ладонь к щеке дочери — теплой, чуть влажной, как в детстве, когда Алена с улицы прибегала с охапкой одуванчиков, — и почувствовала, как по телу пробежала дрожь, такая легкая, почти незаметная, но от которой вдруг сильно защемило в груди. Сердце начало чуть пошаливать. Шутка ли — в прошлом году пятьдесят семь исполнилось, а Алеше шестьдесят пять.

«Все еще работает», — с гордостью подумала Наталья. Не могут без ее мужа на предприятии.

Алене уже семнадцать лет. Еще семнадцать! Впереди — целая долгая жизнь, университет, замужество, семья, путь, на который Наталья будет теперь смотреть со стороны, с тревогой, с гордостью, с тем самым мучительным чувством, которое, наверное, знакомо каждой матери — когда понимаешь: пора отпускать, но душа еще держит, держит крепко, цепко…

Алексей, ее муж, отец Аленушки, с которым они прожили бок о бок тридцать семь лет, всегда рядом, надежный, как дерево, переплетенный корнями с ней, Наташей, — обнимет Аленку вечером, наверняка скажет что-нибудь смешное, подмигнет лукаво. Шутник!

И все бы ничего и как у всех…

Если бы не то, что Наталья знала. Только она, и больше никто.

Наталья закрыла глаза — и мир будто на мгновение замер. Все исчезло, как будто кто-то взял и стер настоящее с холста, оставив только едва заметный силуэт прошлого, которое она старательно прятала даже от самой себя все эти годы. Но прошлое не умирает, а тихо живет рядом. И иногда тяжело и тревожно дышит тебе в спину.

Ей тогда было уже почти сорок — а выглядела на все пятьдесят, даже хуже чем сейчас в пятьдесят семь. И никакой надежды. Уже никакой надежды…

Измученная, с тонкой кожей под глазами, с потускневшим взглядом, в котором было больше мольбы, чем веры. До этого — выкидыши, больницы, санатории, капельницы, иголки, целебные травы от мамы, поездки к знахарям и лекарям по всему Союзу, стоило только кому-то подсказать или где-нибудь прочитать. Даже были у Ванги. И все — впустую.

Они ездили и в монастыри. Кто-то подсказал — объезди все в округе, поклонись святыням.

Сначала ездили в ближние, потом — дальше, дальше… Когда денег не хватало — занимали. Когда не хватало сил — брали отпуск, сбегали на море…

Она стояла на коленях в храмах, обливала лицо слезами, целовала иконы, прикладывалась к мощам, просила, молила — без слов уже, только глазами и душой. Уж кто-кто, а Бог должен был ее услышать. «Ну пожалуйста», — сначала шептала, потом кричала, а однажды даже потребовала, и самой стало страшно.

И Алексей тогда сказал:

— Наташ, хватит…

Это его «хватит» звучало в ушах до того самого момента. А она заорала ему:

— Нет, не хватит. Нет! Слышишь?

Нет, Алексей не роптал. Никогда. Он клал ладонь ей на спину, теплую, живую, и всегда говорил:

— Будет. Обязательно будет. Слышишь? Ты только держись!

И держал, и она держалась. Но однажды сломался. А она — нет.

И вот спустя всего лишь пару недель после его страшного «хватит», после всех отчаянных ночей, поездок, капельниц и молитв — появилась вторая полоска на тонкой бумажке.

Наталья не заплакала. Она просто села на пол посреди кухни и долго смотрела в окно: на мокрый снег, на верхушки черных деревьев с прилипшим снегом, на фонарь… вокруг которого метались снежинки.

Беременность стала битвой. С первых недель — угроза, боль, кровь. Госпитализация, и опять уколы, таблетки, капельницы, постельный режим. Лежала пластом, со сжатыми кулаками и губами, боясь повернуться, шевельнуться, боясь лишнего вдоха, лишнего слова. Ругала себя, мужа, жизнь. Потом просила прощения и снова ругала… психика летела ко всем чертям. А ночью — молитва: «Доченька, живи, живи, моя хорошая! Мы тебя так ждем. Только будь со мной. Живи!»

Врачи качали головами. Алексей носил бульон, апельсины, книги, которые она даже не открывала, и каждый раз, входя в палату, улыбался. А вечером, уходя, садился в машину и долго сидел, сцепив пальцы на руле, молился.

И вот оно, чудо! Маленькая, розовая, почти прозрачная девочка с нереально крошечными пальчиками, с еще более волшебными ноготками, с синеватой венкой на виске, с тихим писком — таким хрупким, что Наталья испугалась: «А вдруг исчезнет, вдруг не удержу».

— Девочка, — сухо сообщили ей и дальше факты: — Три килограмма, пятьдесят сантиметров. Все в норме.

И тогда Наталья заплакала — впервые за много месяцев, по-настоящему, навзрыд, в голос, тут же в родильном. И акушерка, молоденькая, испуганно оглянулась, а потом тоже улыбнулась, растроганная, вытерла глаза.

Наталья была счастлива. Но счастье, как известно, любит молчать. Потому что, если слишком громко его назвать — оно может обернуться эхом. И этим эхом стал следующий день.

Послеродовая палата встретила Наталью пустотой и тишиной, от которой звенело в ушах. Штора, приоткрытая наискосок, пропускала холодный свет ноябрьского утра, и он ложился на покрывало в виде длинной скошенной стрелы — будто кто-то нарочно ткнул в сердце.

Она лежала одна. Сердце билось неровно, тело еще не пришло в себя, голова кружилась, и все казалось не совсем настоящим — как во сне, где ты все понимаешь, но не можешь ни пошевелиться, ни закричать. Только взгляд живой — ищет, выхватывает, запоминает.

Ближе к обеду в палату привезли вторую женщину. Молодая, лет двадцати, с короткими волосами, торчащими в разные стороны, будто их только что выдрали. В носу — серебряная серьга, в каждом ухе — по пять штук. Запах от нее — кислый, сигаретный, тошнотвор-

ный. Наталья закашлялась, не сдержалась. Новенькая не поздоровалась, не спросила, как зовут. Даже не посмотрела. Только бухнулась на кровать и сразу отвернулась к стене.

Наталья, от природы добрая, постаралась не делать поспешных выводов. Всякое в жизни бывает. Но что-то в девушке было такое — жесткое, колючее, враждебное, будто она давно не жила среди людей, а только воевала с ними… в одиночку.

Когда принесли детей, Наталья впервые взяла на руки свою доченьку: теплую, тихую, крошечную. Она смотрела в лицо матери, будто пыталась узнать — не тот ли это голос, не тот ли запах, не то ли биение сердца, которое слышала все девять месяцев в темноте внутри. Долгожданная. Выстраданная. Выпрошенная. Родная до последнего вдоха.

Она приложила малышку к груди — и та зацепилась, жадно, серьезно, будто знала, что жизнь зависит от этих первых глотков.

Вторая девочка, дочурка соседки, кричала пронзительно, требовательно. Так, что у Натальи задрожало от жалости все нутро. Но соседка даже не обернулась. Кажется, она спала…

— У вас… она плачет, — все-таки осторожно сказала Наталья, и та вдруг повернулась. Глаза были черные, злобные, и неожиданно полные тоски.

— Плачет — и пусть, — хрипло бросила девушка. — Я не заберу ее. Нах они ее притащили. Я же сказала. Отказ напишу.

Вырыгнула все это, и снова — к стене.

Малышка продолжала кричать. Наталья держала свою — сытая, успокоенная, та уже спала. И тогда, не спрашивая, почти на автомате, с тем движением, которое исходит не от сознания, а от материнского нутра, взяла вторую. Приложила к другой груди. Кормить было больно — но не то, чтобы физически. Больно было от мысли, что эта маленькая родилась никому не нужной, у нее уже никого не будет.

Соседка ничего не сказала. Только вздохнула тяжело, устало, как старуха, которой надоело все: и жизнь, и люди, и эта больничная палата… и ребенок, не успев родиться.

На следующее утро Наталья почувствовала странную тревогу. Свою малышку она нашла в кроватке, тихую… слишком тихую.

Никаких звуков, ни движения, ничего…

— Моя девочка… — прошептала она, поднимая пеленку. И в тот миг, когда ее пальцы коснулись холодной кожи, сердце Натальи остановилось на мгновенье, замерло, потом ухнуло куда-то вниз…

Холод… неподвижность… синий ротик… пустота…

Она не закричала, не побежала, не позвала никого. Мир рухнул, но рухнул в тишине.

И там, в этой тишине, родилась мысль — быстрая, резкая, страшная, пронзающая как стрела, больно и в точку. Та, от которой любая другая женщина бы отшатнулась. Но Наталья — нет.

Все произошло за секунду, растянутую в вечность, — все произошло за вечность, сжавшуюся в секунду.

Сначала — оцепенение. Потом — слезы, тяжелые, редкие, те, что не стекают, а скапливаются в глазах, мешают дышать.

Наталья смотрела на мертвую дочку, на свою, уже ставшей любимой девочку. На ту, которую вымолила, носила под сердцем, берегла, как свечу в ураган, и вот теперь — холод, синий ротик, мягкий затылочек. Все это было концом… не началом жизни — а концом.

Наталья пошла медленно, будто двигалась сквозь воду. Соседка по палате храпела в своей постели, накрывшись до подбородка, и в этом храпе было какое-то пренебрежение ко всему, что происходило вокруг, — к боли, к детям, к миру.

Вторая девочка — та, которую она вчера кормила — спала. Как будто почувствовала: бессмысленно кричать. Ее отвергли. Жестоко, предательски. Зачали, выносили, родили и отвергли — предали.

Наталья подошла к кроватке. Пульс стучал в горле, будто кто-то ударял по барабану изнутри.

«Никто не узнает, — мелькнуло. — Просто никто не узнает. Это невозможно проверить. Они крохотные, одинаковые. Они не успели быть собой».

Как в замедленной съемке, Наташа нагнулась и начала развязывать бирочки. На левой руке у мертвой дочки — маленький оранжевый клеенчатый ромбик — Андреева Н. В. девочка, 3кг, 50 см. У живой — другая: фамилия соседки, 3300 кг, 54 см.

Наталья трясущимися руками поменяла их. Потом — бирки на ножках. Осторожно запеленала и переложила детей.

Руки не слушались, в глазах туман от слез. Она на мгновение остановилась, закрыла глаза, потекли слезы, присела на корточки и прижала кулаки к груди. Внутри была дыра — живая, пульсирующая, черная, как кратер.

— Прости меня, — прошептала она в пустоту. — Прости, родная моя. Прости… прощай…

Потом Наталья легла, чуть полежала, встала и взяла свою не свою дочь к себе в постель. Прильнула к малышке, та пискнула и уткнулась лобиком в грудь.

Утром, когда детская медсестра вошла в палату на обработку и с ужасом закричала, обнаружив в одной из кроваток мертвую девочку, Наталья даже не заплакала. Смотрела молча, спокойно. За эту ночь она прожила целую жизнь. И только на губах дрожала одна точка, едва заметная, но она выдавала — душа ее все еще кричит.

Соседка, зевнув, сказала глухо:

— Слава Богу. Хоть виноватить себя не буду. Я знала, что сдохнет.

Наталья смотрела на нее и не чувствовала ничего: ни ненависти, ни презрения, ни боли, ни страха. Только холодное, неотвратимое знание: теперь эта девочка — ее, а свою она похоронит молча, без имени, без следа, без прощания.

И вот теперь… Алене семнадцать. Никто и никогда не узнал. Даже Алексей.

А Наталья каждый вечер гладит спящую дочь по волосам — черным, непослушным, совершенно не похожим ни на ее, ни на Алексея — и думает: «Господи, как же сильно я тебя люблю. Как же страшно мне от этой любви».

…Алена вбежала на кухню босиком, с резинкой во рту и в наспех запахнутом веселеньком халатике.

— Мам, пап, я поступила. Только что инфа пришла, — крикнула она, закрепляя волосы. — Все, я студентка. Мама, папа, вы поняли?!

И, не дожидаясь ответа, обняла их обоих, как делала это с детства — крепко, с шумом, ввалившись им на плечи, как в мягкую подушку.

Алексей засмеялся счастливо, обнимая своих девочек.

Вот уже тридцать семь лет минуло, а он все так же любит. Не разучился быть рядом.

…Наталья сидела за столом, прикрыв глаза. На плите кипел чайник, в окне алело вечернее солнце, в вазе на подоконнике стояли астры, принесенные с базара — Алена купила, «просто потому что красивые». В доме пахло булочками с корицей. Было жарко, уютно, по-семейному просто.

Она смотрела на мужа — его руки, лицо с морщинками, седину на висках. На Алену — красивую, живую, с ярким голосом и глазами, в которых — ни капли злобы, только свет и смех.

«Вот она, моя семья, — думала Наталья. — Настоящая, хоть и построена на страшной лжи. Но если я отдала свою душу, свое сердце — значит это не ложь. Значит, все было не зря?»

Она давно уже не искала ответа на вечный вопрос. Правильно ли? Все слилось — в любви, в ежедневной заботе, в завтраках, уроках, царапинах на коленках, бессонных ночах и школьных утренниках.

Алена — ее дочь, их дочь! И не может быть иначе.

— Мамочка, ты чего? — встревоженно спросила дочь, нагнувшись к ней.

Наталья улыбнулась. Губы дрожали, как тогда в роддоме, но улыбка была настоящая.

— Радуюсь. Просто радуюсь. Что у меня вы — мои. Такие хорошие, такие мои.

Алексей подошел, положил руки на плечи, заглянул в глаза.

— У нас все получилось, Наташка. Все, понимаешь? Мы ведь не зря…

И она кивнула. Да, не зря. В этот момент Наталья впервые за много лет позволила себе поверить: возможно, где-то там, в небе, ее малышка тоже знает — мама не предала. Просто не смогла иначе. И теперь, каждый день, мама отдает свою любовь другой девочке, которую никто, кроме нее, не назвал бы дочерью.

Но она — дочка. Родная. Самая-самая.

И это чувство — сильнее страха, сильнее памяти. Оно — как свет в конце очень долгой и темной дороги.

Сын, который внук

Сергей давно уже не считал годы после развода, но память упорно подсовывала круглую цифру — десять. Десять лет, как он ушел из той семьи, где так и не прижился.

Дочь тогда была маленькой, и он часто мучился: а вырастет ли она, помня отца, или чужим человеком станет?

Потом жизнь потянула его на новые берега. Уехал из родных мест, снова женился, и у них с Леной было все — любовь, понимание, тепло, забота друг о друге, уважение, уют. Не было только детей. Они ждали, надеялись, лечились — и каждый раз обрушивалась пустота.

…Телефонный звонок в теплый апрельский вечер застал его врасплох. Голос бывшей жены, резкий, как когда-то, снова ворвался в жизнь — без стука:

— Сергей! Забирай свою дочь.

— Что случилось? — он насторожился.

— Случилось! Она, мать твою, беременная! В десятом классе — и с пузом! Позор какой!

Она кричала, сбиваясь, как будто сама боялась услышать свои слова.

— Что-то предпринимать поздно. Пусть у тебя поживет. Тут не могу ее оставить, понимаешь? Люди, школа… Все ж в деревне на виду! А у тебя пусть тихо доходит, родит, а там ребенка в роддоме оставим. Всем скажу, что у тебя живет и школу в городе заканчивает. Аттестат я ей куплю.

Сергей молчал. В груди клокотало.

— Как — оставим? — глухо переспросил он.

— А что еще делать? Мне это не надо. Да и ей тоже. Она сама ничего не соображает. Сама дитя! Родит — и свободна.

— Оля, как? Это ж наш с тобой внук… уже живой!

— Да какой внук? На фиг он мне сейчас. Я может, скоро сама рожу, снова мамой стану, мы с Витькой сошлись, ушел он от Лидки! А ты мне — внук. Куда мне? В общем так! Хватит демагогии! Дочь едет к тебе!

И Ольга отключилась. А Сергей вдруг понял: перед ним не просто новость. Перед ним судьба, испытание, может быть — единственный шанс.

…Через два дня он встречал дочь на вокзале. Она стояла, сутулая, вся сжавшаяся, в каком-то огромном свитере, видимо Витькином, с маленьким рюкзаком за спиной, в глазах — растерянность и страх.

Сергей шагнул к ней. Хотел обнять, но сдержался: слишком давно они не виделись. Как-то все закрутилось, свои проблемы.

— Ну, поехали, — только и промолвил.

В дороге она молчала, глядела в окно. И лишь когда вошли в квартиру, робко спросила:

— Пап, а ты не злишься?

Он опешил. Как можно злиться на нее? Хотелось сказать сразу: «Ты же моя дочка…»

Но слова застряли, и он лишь кивнул:

— Все будет нормально.

Вечером Лена, его жена, принесла чай и печенье, тихо присела рядом. Девочка, смущаясь, улыбнулась — впервые.

Лена в тот вечер молча готовилась ко сну: на ее лице блуждала умиротворенная улыбка. Сергей понял: дом наполнился чем-то долгожданным, как будто судьба сама внесла свет через порог.

Ночью он не спал. Думал о том, как жизнь странно разворачивает дороги. У него не было сына или дочери с Леной. Но теперь будет внук — он еще не рожден, но уже так изменил их жизнь. Хорошо изменил. Вон как в доме стало тепло и уютно.

Ему хотелось защитить его от всего мира, и прежде всего — от равнодушия родной бабки, которая назвала его «не нужным», не ко времени.

«Нет, малыш, — думал Сергей, глядя в темноту, — ты нужен. Ты нужен нам всем. И я не дам тебе исчезнуть в роддоме. Я сам стану твоим отцом, если придется! Я дождался тебя».

Утро началось просто: дочь, смущенно натянув халат, пытаясь прятать живот, вышла на кухню, где Лена уже готовила омлет.

Сергей чинил сломавшийся только что тостер. И вдруг это ощущение — семья, пусть странная, но живая — накрыло его так, что он чуть не рассмеялся от счастья.

Жизнь не дала ему второго ребенка, но подарила внука. И вместе с ним — шанс стать настоящим отцом и для своей дочери.

Вы снова увидите мир

— Мам, а почему наша деревня, как моя фамилия называется? Я ведь Микляев? — спросил маленький Тарас, уминая блин, который только что подала ему мать.

Раскрасневшаяся от жара печи Катерина улыбнулась:

— Правильно! Микляев ты, и не только ты, а полдеревни нашей Микляевых, а вторая половина — Елакины. Есть еще, конечно, у нас Ломакины, Гриневы, Васюковы… Но это так! — мать скривилась и махнула рукой. — Мелочь. Главные — это мы: Микляевы и Елакины.

Почти такой же разговор состоялся между Евдокией и ее дочкой Шурой, да только вопрос девчушки был про Елакиных, и мать, отвечая на него, на первое место свою фамилию поставила:

— Главные-то мы: Елакины да Микляевы.

…Второй раз тем же вопросом Тарас задался, когда пошел в школу. На первом этаже стоял огромный стенд под названием «Наша история». На нем ютились старинные фотографии, среди которых он приметил очень знакомую — два седобородых старца стояли обнявшись, а под фото красовалась надпись: Тарас Евграфович Микляев и Александр Митрофанович Елакин — основатели деревни Микляево-Елакино.

В памяти всплыли рассказы отца о его прадедушке, который в начале двадцатого века со своим другом построили первые дома на совершенно пустынном месте. Так и появилась их деревня.

Частенько Елакины и Микляевы скрепляли брачным союзом пары из своих семей. Вот и родители Шуры и Тараса очень надеялись на то, что их дети вырастут и поженятся.

Будучи совсем маленькими, ребятишки даже не обращали внимания друг на друга, хотя ходили в одну группу в детском саду и учились в одном классе, но чем старше становились, тем чаще слышали то, что их родители надеются породниться. Ребята настолько свыклись с этой мыслью, что тоже стали верить в то, что они просто созданы друг для друга, обязаны создать семью и нарожать потомство.

В седьмом классе Тарас Микляев принялся провожать Шуру Елакину до дома, при этом он по-джентльменски нес ее портфель. В восьмом он пригласил ее на медленный танец, а в девятом все уже считали их парой, хотя они даже не целовались. После десятого они вместе уехали в город и поступили в один и тот же университет. Приехав на первые в жизни летние студенческие каникулы в родную деревню, молодые люди ловили на себе недвусмысленные взгляды деревенских.

Закадычный друг Тараса при встрече задал ему вопрос:

— Ну что, вы уже того?... — он подмигнул и засмеялся так, что Тарас сразу понял, о чем он.

— Не твое дело, — отрезал младший Микляев все дальнейшие расспросы.

На следующий день после их приезда в деревню прибыла геологоразведочная экспедиция, состоящая в основном из мужчин. Все они разбрелись по домам деревенских жителей, а один из них, совсем молодой, Ярослав, поселился в доме у Елакина Алексея, отца Шурочки. Только увидев Ярослава, она наконец-то поняла, что такое настоящая любовь.

А уже вечером молодые люди недвусмысленно переглядывались, сидя за ужином. Мать постаралась, накрыла богатый стол, и неспроста. Ярослав приехал не с пустыми руками. Войдя в дом, он щедро выложил на стол дефицитные в то время продукты: сгущенку, шпроты, копченую колбасу, печенье в пачках, кофе. После ужина Ярослав вышел во двор покурить, Шура подхватила ведро, якобы отправилась за водой. Парень увязался за ней. На берегу реки начался их бурный тайный роман…

Спустя время Шура пояснила любимому, что ее родители надеются на то, что она выйдет замуж за Тараса Микляева.

— Я его не люблю, — быстро проговорила Шура, — постепенно подготовлю родителей, что замуж выйду только за тебя.

Ярослав кивнул, хотя сам он еще не решил для себя, чего он ожидает от этих отношений, но через несколько дней вдруг почувствовал, что и дня не может прожить без Шуры. Ему все время хотелось ее видеть, говорить с ней, целовать ее. Дальше поцелуев у молодых людей не зашло: Шура не позволяла ничего лишнего.

Как они ни скрывались, да разве это возможно в деревне, видно, все-таки кто-то заприметил их тайные встречи, и по деревне пополз слух, добравшись вскоре до Тараса.

— Смотри! Как бы этот Славик не стал первым в ее жизни мужиком! Хотя… ты не можешь стать первым мужиком! — заржал двоечник Степан, который даже и не пытался никуда поступать, а сразу пошел на МТС учеником.

— Почему это? — раскрыл рот от удивления Тарас.

— Потому что ты сам не мужик! — ржущий Степан был отвратителен.

Тарасу сделалось так душно, что он тут же, не откладывая в долгий ящик, отправился к Шуре.

— Привет! — поздоровался он, едва сдерживая себя. — Ничего не хочешь мне сказать?

Девушка фыркнула и отвернулась:

— Похоже, ты и сам все знаешь. Деревня гудит.

— Пойдем к реке… последний разговор, обещаю! — попросил Тарас.

Шура помялась ровно секунду, но мысленно решила: «Что такого? Ведь мы друзья с детства».

Тарас долго шел по шуршащей гальке, пока не приметил надежное, скрытое от глаз укрытие.

Шура в недоумении тащилась за ним:

— Тарас, ну куда мы идем? Зачем так далеко? Давай здесь поговорим!

Дойдя до огромного камня, сзади которого и было укромное место, Тарас резко развернулся, схватил Шуру за плечо:

— Было уже что? Отвечай! — заорал он, брызгая слюной.

Она в ужасе помотала головой. Тарас был безумен.

— Врешь, тварь! Врешь.

Он ударил ее по щеке. От неожиданности, боли и обиды у Шуры брызнули слезы:

— Не было! Не вру! Да какое твое дело? — опомнилась она. — Я тебе не жена.

— Сейчас проверю! Было или нет… Не жена она мне…

Он толкнул ее на землю и стремительно навалился всем телом. Содрать тоненькие трусики с нее и стянуть с себя растянутые треники вместе с трусами не составляло труда. Молодой и сильный мужской атрибут уже давно был готов…

Саша кричала, отбивалась, кусалась, но все было тщетно. Через пару минут она стала женщиной…

Тарас встал, увидев кровь, мерзко осклабился и промолвил:

— Не обманула, су…

Он пошел к деревне, важно ступая по берегу и никуда не торопясь.

Саша же еще долго лежала на земле и горько плакала.

«Что же теперь будет? Как рассказать Ярославу? Зачем я пошла с ним? Как больно! Почему так ломит?»

Отлежавшись на влажной земле, Шура встала, умылась речной водой, замыла подол юбки и поплелась домой.

— Да что с тобой? — спросил вечером Ярослав. — Заболела, что ли?

Он тревожно посмотрел на Шуру, а она решила: «Сейчас, лучше сейчас! Потом он может и не поверить!»

И она шепотом, все время утирая слезы, да только все равно не успевала, они текли быстрее, рассказала Ярославу о том, что случилось днем.

— Подонок! Какой же гад!

Парень сжал кулаки и кинулся прочь.

— Куда? Подожди! — перепугалась Шура и ринулась за ним.

Он резко повернулся к ней:

— А ну стоять! Сиди здесь, я сказал. Нечего тебе там делать!

— Где? — заорала Шура. — Ты к нему? Не надо! Зачем? Я не для того тебе рассказала…

А зачем она ему рассказала? Этим вопросом Шура потом задавалась очень долго.

Буквально через несколько минут по деревне пронесся слух: Тараса убил заезжий геолог.

…Уже на следующий день вся деревня направила свой гнев на Шуру. Все всё давно понимали, но при этом никто ничего не предпринимал, а теперь, когда свершившееся невозможно было исправить — вдруг стали очень умными и орали:

— Ты зачем ему рассказала?

— Ну случилось и случилось…

— Тварь! Ну какая же ты тварь.

— Такого парня сгубила!

— Единственный сын! Бедная Катька.

И даже родители, любимые родители, и те накинулись на дочь.

— Да как же ты могла? — рыдала мать. — С двумя сразу!

— Мам, да я не с двумя, и не сразу… не было у меня ничего с Яриком! И с Тарасом не было… он… изнасиловал он меня…

Но мать не слышала дочь:

— Молчи, молчи теперь…

— Высечь бы тебя, — только и сказал отец, вышел во двор, ушел, а вернулся пьяным вдрызг.

Ярослава и след простыл. Когда стали спрашивать у начальника экспедиции, кто такой, где живет, тот только развел руками:

— Я нанял его на черную работу… неофициально… ни адреса, ни фамилии. Ярослав и Ярослав… — мужчина опустил голову.

— Ты что же, даже паспорта его не видел?

— Да поймите вы! Ну кто пойдет за семьдесят рублей землю копать? Да я рад был, что нашел его.

Объявили в розыск, но все тщетно. Ярослав как в воду канул.

На третий день от происшествия мать сказала Шуре:

— Уезжай, не дадут тебе здесь житья, и нам вместе с тобой.

Шура уехала на следующий же день.

…В страшную февральскую стужу вечером в дом Алексея Елакина тихонько постучались.

Евдокия лениво подошла к двери, отворила, тут же торопливо схватила фуфайку и вышла за дверь.

— Ну зачем ты приехала? — недовольно спросила мать и скользнула взглядом по огромному животу дочери.

— Еще и беременная! — осуждающе хмыкнула она. — Поди, и от кого не знаешь?

— Мама, пожалуйста, не гоните! — взмолилась Шура, игнорируя вопрос матери. — Ты же знаешь, мне некуда больше идти.

— Дуська, кто там? — заорал отец.

— Папа! — в отчаянии крикнула Шура. — Это я!

— А ну тихо! — шикнула на нее мать. — Это ж я ради тебя! Не пускаю ради тебя! Убьет! Мы тут такое пережили. Ты ж не одного, а двоих убила. Да что там! Троих.

— Я никого не убивала! — отшатнулась Шура, придерживая живот.

Но мать словно не слышала, продолжала докладывать:

— Катя через месяц умерла: инфаркт. А Семен запил! Ой как страшно запил, с работы ушел… уходи. Прошу тебя! Не будет тебе здесь житья! И нас выживут.

— Да куда ж…

Но мать уже хлопнула дверью.

Голодная и замерзшая Шура побрела по дороге.

Навстречу попалась старуха Звонарева. Поравнявшись с девушкой, она плюнула и обозвала ее матерным словом:

— Бессовестная какая! Явилась. Вот же… бл…

Шура еще ниже опустила голову и прошмыгнула мимо бабки. Боком, боком, стараясь, чтобы старая не заметила живот. Да какое там!

— Она еще и беременная! Шалава! Да ты знаешь хоть от кого?!

Шура подошла к сельпо, это было единственное место, где она могла что-то купить поесть и погреться хоть немного.

Из магазина вышел мужик в рваной телогрейке, в нем Шура с трудом узнала отца Тараса.

Девушка остановилась как вкопанная, не в силах больше сделать и шагу. Он тоже остановился, посмотрел, будто сканировал: снизу вверх, сверху вниз.

— Тараскин аль того, заезжего?

— Тараса, — прошептала Шура еле слышно. — С… заезжим у меня ничего не было… бес попутал. Дядя Семен, простите… я…

— Родители не пустили?

— Нет, — покачала головой Шура. — Мама не пустила, а отца и бабку я не видела даже.

— Пошли! — бросил коротко Семен. — Когда рожать-то? Скоро уж, поди. Живот-то вон какой огромный.

— Ну и родители! — отец Тараса грязно выругался. — Мой бы сейчас появился хоть пьяница, хоть наркоман, хоть убийца, да разве б я?... — голос мужчины сорвался на крик. Семен зарыдал.

Шура засомневалась: идти ли в дом несостоявшегося свекра, ставшего пьяницей от горя? Но решила — будь что будет! Не на улице же ночевать. Она замерзала так, что почти не чувствовала ног. Сначала тряслась в промерзлой электричке, уже там ноги начали неметь от холода, потом автобус, тоже стылый.

…В доме у Семена было на удивление чисто, хотя и видно, что женская рука давно ни к чему не прикасалась.

Бутылку сразу убрал подальше.

— Сон мне был на днях: тебя видел с Тарасом. Так он мне говорит: «Бать, помоги, не сироти внука своего», — Семен развернулся к Шуре. — Думаю, пацана родишь, а вот почему не сироти — не знаю. Ты на улицу-то не выходи… вообще… поняла?

Шура кивнула.

— Раздевайся, щи у меня есть, щас в подпол спущусь. Я десять литров варю, и в подвал их, а потом топором кусок отрублю, разогрею да ем. Только мяса нет… без мяса… ниче, завтра куру возьму у Звонаревой… своих-то порубал давно…

Шура вздрогнула: вспомнила бабку, которая готова была ее убить.

— Ниче, ниче! Пусть чешут языками своими. Как же на улицу-то? Сердце есть у матери твоей?! Б… это ж внук ее!

— Дядя Семен, внука же нет пока, она меня только видит! Ей окна перебьют, она и боится.

— Да кто? Мой сын убит! Ежели даже я ниче бить не стану, да кто ж станет? Кому надо?

— Не знаю! Кто-нибудь станет!

Потом ужинали. Щи были вкусные, ароматные, и хлеб деревенский душистый.

— Я пить больше не буду, ты не думай. Работать снова пойду.

— Не возьмут вас вдруг?

— Возьмут! — твердо возразил Семен.

…Роды начались рано утром. Шура разбудила Семена:

— Дядя Сема! Я уже…

Тот вскочил моментально, убежал, через пятнадцать минут около калитки стояла старенькая копейка.

Шура родила здорового малыша, но сама той же ночью тихо умерла. Врач, пряча глаза, что-то объясняла Семену, но он ничего не слышал, а лишь повторял:

— Не сироти внука своего.

Евдокия так убивалась на похоронах и все время кричала, бросая косые взгляды на мужа:

— А все ты, ирод проклятый! Все ты!

На следующий день после похорон Микляев пришел к Елакиным:

— Что с мальцом делать будем?

— А что с ним? Садись, помянем дочь мою! — пригласил Елакин.

— Так документы надо готовить, забирать.

— Да ты, видать, совсем допился…

— Не пью я! Почти два месяца, как Шура приехала, так и не пью, и ты знаешь об этом.

— Не потянем мы, Семен…

— А мне не дадут. Узнавал я, вдовец я. А вам точно отдадут. И список документов вот… — Семен полез в карман.

Алексей покачал головой:

— Да ты что? Да ты представляешь…

— Леха, возьмите пацана, сам буду рОстить. Обещаю, не побеспокою вас!

— Слышь, мать, — заорал Алексей.

Из комнат вышли обе: и жена, и мать.

— Вот, внука хочет забрать! Нас просит документы собрать.

— Алешенька, и я прошу тебя! Алеша! — взмолилась Евдокия, упав на колени и обняв мужа за ноги.

Старуха-мать начала размашисто креститься:

— Господь, спаситель! Усмотри ты все сам, как по воле твоей надобно.

Через месяц в доме Семена, выдраенном мужиком добела, слышался крик младенца. Микляев все-таки отстоял свое право на то, чтобы малыш жил с ним, а Евдокия приходила.

— Да тошно мне одному! Тошно! Как же вы не поймете!

Елакины поняли и согласились. Так у мальца стало два деда, одна бабушка и одна прабабушка и полдеревни другой родни.

Деревенские поутихли.

Тридцать пять лет спустя

В кабинет известного на весь край оперирующего офтальмолога зашел пожилой мужчина, протянул документы.

Доктор взял, пошуршал задумчиво страницами.

— Винников Ярослав Григорьевич. Катаракта обоих глаз. Что ж затянули? Давно бы надо.

— Денег не было, доктор. Квоту ждал.

В этот момент в кабинет заглянула медсестра:

— Егор Тарасович, после приема к главному. Совещание будет.

Доктор кивнул.

— Тарасович, — повторил больной. — Простите, доктор, а фамилия же ваша Микляев?

— Микляев.

— А мать зовут Александра?

— Совершенно верно! А вы знакомы?

Мужчина поднялся, он был напуган, его даже слегка трясло.

— Что с вами, вам плохо? — доктор вовремя подскочил к совершенно слепому мужчине: тот потерял сознание.

… — Пришел в себя, просит, чтобы ты зашел, только недолго. Очень слабый. Инфаркта удалось избежать. Говорит, что родных нет.

Егор кивнул и зашел в палату.

— Ярослав Григорьевич, я здесь. Что вы хотели?

На мертвенно-бледном лице больного отразилось многообразие чувств: страх, радость, облегчение.

— Неужели тридцать пять лет прошло? — прошептал он. — Тридцать пять… и дня не было, чтобы я не вспомнил об этом!

Рассказ Ярослава Григорьевича был коротким и путаным, но Егор все понял.

Доктор долго смотрел в его глаза, которые ничего не видели. Он пытался найти внутри себя ненависть к этому человеку, но тщетно. В голове звучали его последние слова:

— Я толкнул его сразу, не говоря ни слова, да неудачно… он больше не поднялся.

Егор снова и снова задавал себе вопрос: «А что сделал бы я, если бы моя Марина сказала мне, что ее только что изнасиловали?»

Ответ был один: то же самое, что сделал этот человек!

Пожилой мужчина дышал с трудом, он еле слышно прошептал:

— Это все! А теперь делайте со мной все, что хотите.

Доктор, не раздумывая ни минуты, сказал:

— Как только вы поправитесь и кардиологи позволят, я сделаю вам операцию, и вы снова увидите мир! Ведь вы за этим ко мне пришли?

Не дождавшись ответа, Егор встал и быстро покинул палату.

Лишняя чашка чая

Отучившись на врача, Светлана Васильевна Куприянова вернулась в родную деревню, где жила она только с мамой. На ее вопросы про отца мать лишь отмахивалась:

— Не стоит он твоего внимания. Я тебе даже отчество свое дала, а не его. Мать-одиночка я всю жизнь. Таковой и умру.

И умерла, не дождавшись весны, когда Свете было лишь девятнадцать… Ушла тихо — с температурой, дочери рядом не было.

«А дочка моя врачом будет», — сказала она в бреду. Это было последнее…

Принимала Света людей в местной амбулатории. Иногда даже без халата, по-домашнему — в теплом свитере, волосы в пучке, в глазах усталость. Деревенских это очень подкупало: шли как к дочери, сестре, внучке. Да она и лечила — как мать лечит: терпеливо, с тихой строгостью. Словом, дыханием, таблеткой, уколом, умением слушать… Добро в глазах светилось.

Местные тянулись. Кто с язвой, кто с грыжей, кто просто поговорить. А она все слушала, писала в карточках, варила себе кофе на старой плитке и иногда задумчиво смотрела в окно. Туда, за церковь, где все белело крестами, где лежала ее мама. Иногда ходила в лес и вспоминала, как мама учила грибы находить. Тогда тихой радостью наполнялось сердце от теплых воспоминаний.

Однажды к ней пришел из соседней деревни дед Федор — седой, сутулый, весь как из коры дерева, хотя по паспорту совсем не старый — всего-то шестьдесят пять лет.

Сердце Светы почему-то сменило свой ритм со спокойного на гулкий.

— Я это… — мямлил дед, видно, волновался: — Мне б давление смерить… дочка…

Она измерила. Повышенное. Молча дала таблетки.

— Ну ладно, — сказал он. — Теперь ты должна знать. Я ведь, знаешь, не зря пришел к тебе. Долго собирался… всю жизнь…

И рассказал, что был… ее отцом. В молодости бросил ее мать, уехал и не вернулся. Писем не писал, вину прятал в самогонке. Но знал: родилась дочь, пошла в школу, уехала в город, вернулась в деревню врачом. Слава по району идет. Хороший врач Светлана Васильевна Куприянова. А могла бы быть Светланой Федоровной Красновой… Да не сложилось. Кто ж виноват?

— Я не просить. Я — сказать. Чтобы ты просто знала. Может, полегчает… мне, — и ушел.

Света не остановила.

На следующий день его нашли за околицей — под старой яблоней, с травинкой в руках.

А Светлана Васильевна всю жизнь в деревне доктором проработала, замуж вышла — трех мальчиков родила. Муж предлагал одного из них Федей назвать — не согласилась. Имя все время звенело в голове… горечью…

Накрывая стол к чаю, муж очень любил чаевничать, каждый раз ставила одну лишнюю чашку…

Приживалка

История произошла в семье моего деда

— Петь, как же Руфине сказать, что мы решили на родину вернуться? — провожая мужа на работу, Арина, заглядывая ему в глаза, вот уже в который раз задавала этот вопрос, — она ж только учиться поступила, да и привыкла я к ней, дочь она мне.

Семейная пара Березиных с четырьмя ребятами и дочкой приняла решение, спустя пять лет после окончания войны, все-таки вернуться в родной город Сталинград. Как бы ни было хорошо и сытно в Средней Азии, а очень тянуло в родные места — на Волгу, на милый душе российский простор. Хотелось вновь вдохнуть свежего ветра, весной благоухающего травами, а зимой бьющего в лицо с такой силой, что еще чуть — и свалит с ног.

Сталинград снился Петру каждую ночь, и это он предложил Арине вернуться в родные края, да и родственники, кто выжил, уже все давно снова в Сталинграде. Мать и сестры в каждом письме звали Березиных домой, но была одна нерешаемая проблема — Руфина.

Эту девушку, умирающую от голода и малярии, Арина встретила на узкой улочке в Ленинабаде. Девочка была хрупкой и маленькой, но Арине потребовалось много усилий, чтобы принести ее домой, ибо сама женщина тоже была изможденной и не совсем здоровой. Война.

Руфину Арина выходила, ухаживая за ней как за своей родной дочерью. Не впервой. Все ее дети тяжело переболели малярией, и Арина знала все об этой гадкой болезни.

Девушка была сиротой, мать ее погибла под бомбежкой еще в начале войны, а от отца и двух братьев так и не получили ни одной весточки. Отец ушел в первые дни, братья чуть позже, Руфина все время их искала, писала письма, но ничего про ее родных не было известно.

Руфина была слабая и худая, и, если бы не Арина, то так и пропала бы она в трущобах Ленинабада то ли от голода, то ли от болезней.

В 1945 году перебрались в Ташкент, про этот город складывали легенды, о его добрых гостеприимных жителях и вкусном хлебе, туда же и вернулся Петр с войны к своей семье, контуженный, слабослышащий, но живой.

Руфину конечно же взяли с собой, было ей тогда всего шестнадцать лет. Как оставить такую юную девушку одну?

— Петь, ну взяли же мы ее тогда, и теперь возьмем.

— Арина, Руфине уже двадцать один год, — напомнил муж, — Ей нынче не шестнадцать лет, она взрослая девушка, и она не наша дочь. Пойми! И война кончилась, ей свою семью создавать надо и своих детей рожать. Довольно уж ей наш двор мести, и наших детей в люльках качать, а потому у нее спросить надо.

— Петь, ты прав. Спрошу. А лучше бы конечно ее замуж выдать.

— За кого, Ариша? За Ивана? За Николая? — Петр горестно покачал головой. — Или может за её щуплых ровесников, таких же детей войны как она сама! Ну какие из них мужья? — Петя махнул рукой.

Это правда, мужиков не было. Иван был пьяницей, пришел с войны без ног, узнал, что жена умерла и запил по-черному, а фронтовику Николаю на днях пятьдесят пять стукнуло, и Руфина ему не то что в дочки, а во внучки годилась.

Арина прерывисто вздохнула и опустила голову, непрошено из глаз полились слезы.

— Мам, — вбежав в этот момент в комнату, заорала Руфина.

Она называла Арину мамой. Заорав, тут же осеклась, увидев, что Арина плачет.

Она присела рядом и стало быстро-быстро целовать Арину в нос, в щеки, в лоб — везде, куда попадала.

— Устала ты? Тяжелая смена была, да? — беспокойно спрашивала девушка. — Умер кто-то ночью?

Арина пришла с ночной смены, она работала санитаркой в госпитале.

Женщина слабо улыбнулась, крепко обняла девушку и вдруг выпалила:

— Руфинка, мы хотим в Сталинград вернуться. Поедешь с нами?

Петр быстро вышел из дома. Руфина восприняла новость абсолютно легко, также, как когда-то она спокойно отреагировала на переезд в Ташкент.

— Мам! Конечно я поеду с вами. Почему ты спрашиваешь? Только вот, — девушка помедлила. — У меня тут подруги, учеба. Да и знаешь… — Руфина замолчала.

— Что? Что? Говори? — Арина заглянула в лицо девушки, та прятала глаза.

— Руфинка, ты никогда ничего от меня не скрывала. Говори! — настаивала Арина.

— Мам! Не смогу я без вас, а особенно без Наташеньки, любимицы моей.

Самый младший ребенок Березиных дочка Наташа родилась уже при Руфине, и девушка нянчила малышку, качала, кормила, гуляла с ней.

— Но и без… Васьки… тоже уже не смогу, — еле как выговорила Руфина.

Арина всплеснула руками:

— Васька? Сергеев? Влюбилась?

Руфина кивнула:

— Да, только Васька об этом еще не знает.

— Вот это да! — слезы вмиг высохли на Арининых щеках, и она обняла Руфину.

— А мы с Петей гадаем, за кого ж тебя замуж отдать, а пацаны-то в округе подросли. Сколько ж ему, Руфина?

— Девятнадцать, — прошептала девушка.

— Взрослый, — засмеялась Арина, — ну так давай замуж за него, свадьбу сыграем, и уедем мы спокойно.

Губы Руфины задрожали, она часто заморгала, слезы полились рекой.

— Как уедете, мам? А я? Как же я без вас и без Наташи?

— Ну так свою родишь от Васьки! Дело молодое! — легко ответила Арина.

Но Руфина глазами, полными ужаса, смотрела на Арину и словно не понимала, о чем она говорит.

— Мам, ты что такое говоришь? Я не смогу без вас. Вы — моя семья! С Васькой еще ничего нет, и возможно не будет, а вы мои навсегда.

Тут в комнату, что-то радостно лопоча, вбежала трехлетняя Наталка.

Она уткнулась личиком в коленки Руфине, а потом, подняв на нее свои огромные зеленые глаза, залопотала:

— Финя, дем а улицу! Игать!

Руфина подхватила Наташу на руки закружилась по комнате и, радостно засмеявшись, сказала:

— Ни один Васька в мире не стоит этих милых ручек, глазок, этой сладкой попки.

И девушка принялась целовать девочку везде, куда ни попадя.

Малышка весело смеялась и кричала:

— Фатит, Финя! Не сикоти!

В тот же вечер Руфина сообщила новость своим подругам Галке и Любе.

Галка, презрительно глянув на Руфину, процедила сквозь зубы:

— Если уедешь с ними, круглой идиоткой будешь.

Люба взглянула с укором на подругу и быстро-быстро заговорила, обращаясь к Руфине:

— Не слушай ее, Руфя! Дура она! Завидует тебе, что ты в семье.

— Больно надо! — презрительно хмыкнула Галка. — В служанках ходить не велико счастье. Завидует! — передразнила она подругу. — Чему? Тому, что веник из рук не выпускает? Белья немеряно стирает? Ты глянь на ее руки-то! Так и прогорбатишься на них, Руфинка.

Дура! Ох и дура же ты! А мне и в общаге хорошо, я сама себе хозяйка. А ты что в жизни видишь? Поди, принеси, убери, приготовь?

Руфина горестно взглянула на Галину:

— А я не обижаюсь на тебя!

— Не обижается она! — фыркнула Галя, — говорю ж — дура, — и подруга, цыкнув, ушла, перекинув косынку через плечо.

— Люб, ну не смогу я без них! — словно бы оправдываясь, проговорила Руфина, когда Галка совсем скрылась из виду.

— Эх, Руфя! Так это ж хорошо. Любовь, семья, а я уж даже и лица мамкиного не помню. Десять лет всего прошло, а я не помню, а папку так и вообще… — подруга махнула рукой.

— И я не помню, — вздохнула Руфина.

Подруги обнялись и заплакали.

На следующий день Руфина, выйдя из магазина с буханкой хлеба, увидела Галку. Та быстро перебегала дорогу, но заметив Руфину, притормозила и дождалась подругу в тени раскидистой сирени.

— Ну че, Любка-то вчера тебе ныла про то, как плохо одной быть, без мамки да без папки? Конечно, только Любаша наша через месяцок-другой за Женьку Васильева выскочит. — Галя помолчала немного и добавила. — Беременная она.

Галя презрительно посмотрела на Руфину:

— А ты без мужа и детей останешься, в няньках у Березиных всю молодость профукаешь. Здесь хоть Васька есть, а в Сталинграде кто? Никого! — по слогам проговорила она, — Пока устроишься, пока познакомишься. Это хорошо, если будет с кем. Ой дура! Галка махнула рукой и ушла.

Отправлялись Березины вечером, поезд шел до Саратова, а там уж и до Сталинграда рукой подать. Ехать предстояло долго, пять суток, а то и больше.

В первую же ночь в поезде Руфине приснился кошмар. Над ней нависала Галка как коршун, у нее даже были чёрные крылья. Она выплевывала Руфине в лицо отрывисто и громко:

— Приживалка! Нянька! Так в девках и сдохнешь! Не видать тебе счастья женского! Не твоя дочь Наталка.

— Моя! — слабо сопротивлялась Руфина.

Галка-коршун оглушительно хохотала и орала еще громче:

— Нет! Не твоя! Не ты ее родила! И не родишь никогда!

Руфина вскочила, больно ударившись головой и чуть не упав с верхней полки.

Арина встала и подошла к девушке.

— Что с тобой? — встревоженно спросила она.

— Все хорошо, ложись, — Руфина как всегда хотела сказать «мам», но почему-то осеклась.

— Может я Наташу к себе вниз возьму? — предложила Арина.

— Нет-нет, пусть спит. Все нормально, не будем ее тревожить.

Но только Руфина проваливалась в сон, как Галка с черными крыльями появлялась вновь.

— Одна! Навсегда!

— Нет, — кричала во сне Руфина. — Я не одна, у меня есть семья. Наташа! У меня есть моя Наташа!

Галка смеялась громко и отвратительно.

— Не твоя. Она не твоя, а ты не ее. Ты — Финя! — презрительно хохотала дрянная девка.

Эхо ее голоса звучало гулко и раскатисто.

— Нянька. Приживалка! Финя!

На следующую ночь все повторилось снова.

Синие тени залегли под глазами у девушки, руки тряслись, сил не было совсем. Арина озабоченно спрашивала у Руфины каждое утро:

— Ты как себя чувствуешь? Ты здорова? Все в порядке?

— Да-да, — поспешно отвечала Руфина. — Наверное, так поезд на меня действует с непривычки. Все хорошо, Арин, не волнуйся.

Назвав Арину по имени, Руфина удивилась не меньше самой Арины. Вот как-то так неожиданно вылетело.

В последнюю ночь перед Саратовом поезд очень долго стоял на какой-то большой станции, Руфина спала очень плохо, ей снова снился тот же сон.

Она присела на полке, бил озноб, как тогда в далеком сорок третьем. В голове крутились мысли и воспоминания, вот она больная очнулась в незнакомом месте, приятная женщина поит ее из ложечки, гладит по голове.

А вот и все ребята, в доме шумно и весело.

— Руфина, подмети! Руфина, постирай! Руфина, в магазин надо.

Девушка явственно услышала голос Галки, хотя уже не спала.

— Дура! Убегай, это твой единственный шанс. Проживешь как-нибудь. Беги. Это твой шанс. Беги. Возвращайся к Ваське, а то так и останешься служанкой да приживалкой.

Руфина медленно как зомби слезла с полки, Арина подняла голову:

— Ты куда? — спросила шепотом.

— Пойду выйду, что-то меня тошнит.

— Смотри не отстань от поезда!

Руфина кивнула, Арина отвернулась к стене.

Выйдя на перрон, Руфина прочла название станции — «Родники».

Постояв несколько минут, девушка, поеживаясь от ночной прохлады, двинулась по перрону, а пройдя несколько вагонов, она остановилась и пошла назад.

Зайдя в вагон, Руфина осторожно подошла к своей полке, почти бесшумно взяла спящую Наташу на руки, та, сладко посапывая, не издала ни звука.

— Какая станция? — вдруг сонно, не открывая глаз, спросила Арина.

Руфина вздрогнула. Вспомнив станцию, на которой останавливались пару часов назад, и она случайно увидела название, девушка ответила:

— Ямщики.

Мягко ступая, крадучись, трясясь мелкой дрожью, девушка снова вышла из вагона, и, оглянувшись последний раз на поезд, она что-то тихо прошептала, крепко прижала к себе малышку, и скрылась в ночи.

Эпилог

(как бы это могло быть, но к сожалению, не случилось. Больше никто и никогда не видел Наташу)

Арина очень тяжело пережила исчезновение Наташи и Руфины, она долго не могла поверить в случившееся. Беглянку искали на станции «Ямщики», но поиски ни к чему не привели.

Никто не заметил, что Руфина сошла на совершенно другой станции.

Руфина с Наташей всю жизнь прожили в «Родниках».

Наташу Руфина вырастила как свою родную дочь, и только перед смертью открыла ей тайну.

Наталья, будучи шестидесятилетней женщиной, нашла своих родных братьев и мать, отца уже не было в живых.

Арина была лежачей много лет. Увидев дочь, она на следующий день тихо ушла во сне.

Господи, хоть что-нибудь

Снег падал медленно, как будто кто-то сверху аккуратно встряхивал подушку из лебяжьего пуха, а из нее тихонько выпадали нежные невесомые пушинки.

Мария брела не торопясь, будто боялась идти.

…Свекровь с первого дня ее невзлюбила. Сухая, скрипучая баба, как чердачная доска. Ее фраза: «от тебя ни проку, ни приплоду» въелась в кожу.

Муж Николай сперва защищал, а потом махнул рукой и отстранился. Позже стал избегать, а как-то, ничуть не смущаясь, сказал правду:

— Прости, Маша. Детей хочу. А с тобой, видно, не судьба. Ганка беременная от меня. Пойми меня, Маш… да и мать зудит все время. Ты иди домой, ладно…

— Коль… да как же… мой дом здесь. Жена я тебе… и…

— Маруся, не надо. Иди домой. Я Ганну завтра приведу. Она родителям рассказала. А там батя ее — сама знаешь. Лютый.

Он не кричал, не ругался, не скандалил, не прогонял. Просто — все сказал.

Маша вспомнила Ганку. Молодая, красивая, румяная…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.